

ЛЕКСЕМА БАКЛАГА: диахроническая семантика и деривационный потенциал

О.И. Стремянова

Аннотация. В настоящей статье рассматривается диахроническая семантика лексемы «баклага» тюркского происхождения и её дериватов (XI–XXI вв.). Основным источником материала исследования послужили языковые единицы, извлеченные из историко-этимологических и толковых словарей русского языка, из источников, входящих в Национальный корпус русского языка, а также из научно-исследовательских работ отечественных лингвистов-тюркологов. Ранее с точки зрения семантического и деривационного потенциала лексема «баклага» исследовалась только в составе лексико-семантических групп. В данной статье она впервые становится предметом отдельного лингвистического исследования. Несмотря на большое количество тюркологических работ, многие вопросы, связанные с освещением вхождения тюркизмов в лексический состав русского языка, требуют дальнейшего разрешения, в частности вопросы исследования семантико-функциональных особенностей отдельных тюркских лексем с опорой на материал Национального корпуса русского языка. Проведенный диахронический анализ позволил выявить, что слово «баклага», вошедшее в русский язык через посредство тюркских языков в значении ‘сосуд для воды’, ассимилировалось, развивает новые переносные значения и приобрело дериваты. Это обусловлено, во-первых, сравнительно давним вхождением этой лексемы в русский язык — первая письменная фиксация в XVIII в., и, во-вторых, распространением в быту русского народа баклаги в качестве вместилища для воды. В настоящее время баклага как предмет быта практически не используется, тем не менее само слово «баклага» и его дериват «баклажка» известны современным носителям русского языка, употребляются в повседневной речи, в том числе в качестве элемента сравнительных оборотов, по большей части на основе сходства по внешнему виду и форме. В результате исследования был сделан вывод о том, что вхождение в русский язык и закрепление в нем данной лексемы способствовало обогащению лексического состава русского языка.

Ключевые слова: заимствование, слово «баклага», тюркизм, семантика, дериват.

Для цитирования: Стремянова О.И. Лексема баклага: диахроническая семантика и деривационный потенциал // Преподаватель XXI век. 2025. № 2. Часть 2. С. 354–364. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-2-354-364

© Стремянова О.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE LEXEME *BAKLAGA*: Diachronic Semantics and Derivational Potential

O.I. Stremyanova

Abstract. This article examines the diachronic semantics of the lexeme “*baklaga*” of Turkic origin and its derivatives. Linguistic units extracted from historical, etymological and explanatory dictionaries of the Russian language, from sources included in the National Corpus of the Russian Language, as well as from academic research works of Russian linguists specializing in Turkology, served as the main source of the research material. Previously, from the point of view of semantic and derivational potential, the word “*baklaga*” was studied only as part of lexico-semantic groups and for the first time it has become the subject of a separate linguistic study. Despite the large number of turkological research works, many issues related to the coverage of the occurrence of Turkisms in the vocabulary of the Russian language require further investigation: in particular, the issues of studying the semantic and functional features of individual Turkic lexemes based on the material of the National Corpus of the Russian language. The diachronic analysis of the above-mentioned lexeme revealed that the word “*baklaga*”, which entered the Russian language through the Turkic languages in the meaning of “vessel for water”, has been assimilated, develops new figurative meanings and has acquired derivatives. This is due to the fact that, firstly, the lexeme entered the Russian language a relatively long time ago — the first fixation in writing was registered in the first half of the XVIII century, and, secondly, the *baklaga* as a container for water has been common in the everyday life of the Russian people. Currently, *baklaga* as a household item is practically not used, nevertheless, the word “*baklaga*” itself, as well as its derivative “*baklazhka*”, are known to modern native speakers and used in everyday speech, in particular as an element of comparative phrases, mostly based on similarities in appearance and shape. As a result of the study, it has been concluded that the entry and fixation in the Russian language of this lexeme contributed to the enrichment of the vocabulary of the Russian language.

Keywords: borrowing, the word “*baklaga*”, Turkism, semantics, derivative.

Cite as: Stremyanova O.I. The lexeme *baklaga*: diachronic semantics and derivational potential. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2025, No. 2, part 2, pp. 354–364. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-2-354-364

355

В современном русском языке функционирует большое количество лексических заимствований, в том числе из тюркских языков. Исследование пласта заимствованной лексики в различных аспектах актуально для современной лингвистики. Тюркские заимствования (тюркизмы) являются предметом научных интересов и подвергаются все-стороннему анализу многих отечественных исследователей.

Изучение тюркской лексики русского языка началось еще в XVIII в. и продолжается до настоящего времени.

Значительный вклад в развитие тюркологии внес известный тюрколог И.Г. Добродомов, автор более 500 публикаций, чье имя в настоящее время носит кафедра общего языкознания МПГУ. Многие из них вошли в сборник «И.Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии» [1], содержащий научные изыскания ученого по тюркской проблематике и, в частности, по вопросам древних тюркских заимствований и их функционирования в русском языке.

Обширные знания и научный метод И.Г. Добродомова оказали влияние на многих исследователей в области тюркологии.

Особенно активно тюркизмы в русском языке стали изучаться в конце XX — начале XXI в. Они являются предметом научных интересов таких лингвистов, как М.А. Бурibaева [2], А.Г. Сагитова [3], Ф.Г. Фаткуллина [4], А.Д. Эфендиева [5], К. Юнал [6], Р.А. Юналеева [7] и многих других.

Отличительная особенность современных исследований в области тюркологии заключается в том, что эти работы посвящаются проблеме анализа лексико-семантических и тематических групп, выделенных из общего пласта лексики тюркского происхождения русского языка [8; 9; 10; и др.]. На сегодняшний день слова тюркского происхождения разнообразны по тематике, они проникли во многие семантические группы лексики. Заимствования из тюркских языков охватывают, в основном, материальную сторону культуры общества: они представлены в лексике, связанной с военным делом, архитектурой, торговлей, тканями, одеждой, обувью, флорой и фауной, едой и напитками и т.д. Некоторые тюркские заимствования отражают духовную сторону культуры общества и связаны с мусульманской религией.

Рассматривая роль тюркизмов в системе заимствований русского языка, Р.А. Юналеева определила, что в русском языке тюркская лексика, в отличие от западноевропейской, представлена по большей части названиями конкретных бытовых реалий широкого использования. Иными словами, тюркизмы русского языка — это, по определению Р. А. Юналеевой, преимущественно «бытовизмы», обозначающие конкретные бытовые реалии широкого использования (например: *арба, казан, чувал* и др.) [7, с. 73]. Исследованию бытовой лексики тюркского происхождения, а именно тюркизмам в названиях предметов домашнего обихода, посвящены работы А.Г. Сагитовой [3].

Быт — важнейшая составляющая материальной культуры любого народа, поэтому его организация, а также устройство и убранство жилища отражаются в национальной языковой картине мира. Слова данной тематической группы представляют собой обширный пласт и отражают лексическое богатство русского языка.

На протяжении истории русского языка в его состав вошло множество тюркизмов со значением 'домашний обиход', 'домашняя утварь' (*очаг, сундук, таз, чугуны* и др.) и, в частности, со значением 'сосуд для жидкости'. На основании семы 'сосуд, используемый для питья, а также для хранения, переноса продуктов питания, преимущественно жидкостей и пр.' могут быть выделены следующие лексемы, заимствованные из тюркских языков: *баклага, балдак, бардак, бурдюк, ендова, корчага, кумган, лагун, саба, стакан, тузлук, тулук, тулун, турсук, чара, чиряс*.

В рамках настоящей статьи исследуется семантика и деривационный потенциал лексемы *баклага* тюркского происхождения в русском языке.

До настоящего момента лексема *баклага* подвергалась лингвистическому исследованию только в составе тематических групп слов ([3] и др.). Между тем эта лексема является «неотъемлемой частью основного словарного фонда современного русского литературного языка» [3, с. 178]. Современное исследование тюркизмов требует не только установления перечня слов, входящих в те или иные тематические группы, и решения проблемы языков-источников, но и описания семантической эволюции и словообразовательного потенциала отдельных тюркизмов на разных этапах развития русского язы-

ка. Необходимость исследования заимствованных лексем — наименований бытовых реалий русского языка — определяет актуальность настоящей статьи.

Источником материала послужили языковые единицы, извлеченные из толковых и этимологических словарей, научных работ отечественных ученых-лингвистов в области тюркологии, а также из источников, входящих в Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ).

Исследование

Слово *баклага* в этимологических словарях традиционно определяется как тюркизм со ссылкой на «тат. *baklak* — ‘сосуд для воды’» [11, т. 1, с. 110], хотя есть сомнения в реальности татарского слова (см.: [12, т. 2, с. 16–7; 13, т. 2, с. 101–102]).

Рассмотрим **семантику** лексемы *баклага* в диахронии, обратившись к данным толковых словарей XI–XXI вв. и текстам, входящим в НКРЯ.

Впервые в русских памятниках эта лексема отражена в конце XVII — начале XVIII в. [13, т. 2, с. 101].

В «Словаре русского языка XVIII века» (далее — СлРЯ XVIII) находим три орфографических варианта и одно значение этого слова: **баклага (бо-), боклак** — ‘деревянный сосуд для жидкостей’. «Дѣлают же из сего дерева **баклаги**, кои способны для воды в дорогѣ. Сл. комм. II 444» [14, т. 1, с. 129]. Вариант **боклак** снабжен специальной пометой, свидетельствующей о его выходе из употребления в течение XVIII в.

В «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением императорской Академии наук» (далее — Сл. 1847) отмечен один орфографический вариант и одно значение: **баклага** — ‘деревянный закрытый сосудъ съ малымъ отверстіемъ’ [15, т. 1, с. 18]. В словаре В.И. Даля представлено 2 орфографических варианта: **баклага, боклаг** — ‘фляга, сулея; деревян. закрытая обрубная или долбленая посудина разн. вида; лагунъ, дегтярка...’ [16, т. 1, с. 40].

В современном русском литературном языке, по данным «Словаря современного русского литературного языка: в 17 т.» (далее — ССРЛЯ), данная лексема имеет 3 значения: **баклага** — 1. ‘небольшой деревянный или металлический сосуд для жидкостей, преимущественно цилиндрической формы, с крышкой или пробкой’; 2. воен. ‘небольшой металлический плоский сосуд, входящий в состав амуниции рядового; фляга’; 3. техн. ‘сосуд с конусообразной горловиной, служащий для хранения бензина и керосина’ [17, т. 1, с. 248]. По данным «Большого академического словаря русского языка» (далее — БАС), это слово имеет два значения: **баклага** — 1. ‘старинный узкогорлый деревянный сосуд с крышкой или пробкой, использовавшийся для переноса и хранения жидкостей’; 2. разг. ‘походная фляга’ [18, т. 1, с. 344].

Итак, ранние варианты *боклага*, *боглаг* и *боклаг* лексемы *баклага* не получили отражения в словарях XX–XXI вв., что свидетельствует об их вытеснении основным литературным вариантом и закреплением орфографической нормы этого слова. С точки зрения семантики лексема *баклага* сохранила свое основное значение с конца XVII — начала XVIII в. по настоящее время, однако в процессе функционирования данной лексемы оно было уточнено: ‘сосуд с крышкой или пробкой’; ‘деревянный или металлический сосуд’; ‘узкогорлый сосуд’ и т.д. В XIX–XX вв. лексема *баклага* расширяет свою семантику: у нее появляются значения ‘фляга’ (XIX в.) и ‘сосуд для хранения бензина и керосина’ (XX в.), близкие по семантике к основному значению — по семе

‘сосуд с узким горлом для хранения и переноса жидкости’. В XX в. эти 2 значения относились к специальной лексике, используемой в военной (‘фляга’) и технической (‘сосуд для хранения бензина и керосина’) сферах. В литературном языке XXI в. сохраняется только значение ‘фляга’, при этом оно более не снабжается пометой, свидетельствующей о его принадлежности к военной лексике: сегодня лексема *баклага* в данном значении входит в пласт разговорных единиц. Таким образом, в современном русском литературном языке лексема *баклага* имеет 2 значения: ‘старинный узкогорлый деревянный сосуд...’, сохранившееся в языке с конца XVII в., и ‘походная фляга’, известное с XIX в. С функциональной точки зрения первое значение является общепотребительным, однако наличие в его дефиниции определений «старинный» и «использовавшийся» свидетельствует о постепенном переходе лексемы *баклага* в данном значении в разряд устаревшей — исторической — лексики; второе значение является разговорным, употребляемым преимущественно в устной речи.

По данным НКРЯ, эта лексема употребляется только в прямом значении и вступает в синтагматические отношения с такими определениями, как *медная, глиняная, деревянная* и т.д.; а также с существительными, преимущественно обозначающими жидкость: *вода, вино, водка, деготь* и т.д. Это подтверждают тексты разных периодов развития русского языка, начиная с первой половины XIX в. до настоящего времени, например: «Взвалья на плечи свои ноши, в коих сверх всего нужного помещено было довольно съестного и *баклага* с вином, мы пустились в путь» [В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]; «Устанет, воды из *баклаги* попьет — и снова за работу» (А. Растворцев. Отраженные облака // «Дальний Восток», 2019) [19].

Примеры употребления лексемы *баклага* в переносном значении нами не обнаружены, однако встречается ее употребление в сравнениях — для придания экспрессивности и образности высказыванию, например: «Все остальное прокатилось, как пустая *баклага*: громозвучно, слитно и без толку...» (Ф.Д. Крюков. Мать // «Русское Богатство», 1910); «Онufрий Ипатыч как был, в сапогах, в парусиновых доспехах, тяжко рухнул в воду, пропал, словно в *баклаге* с дегтем» [С.Ф. Буданцев. Саранча (1927)] [19].

Рассмотрим частотность употребления лексемы *баклага* и ее деривата *баклажка* в русском языке и сравним с частотностью других лексем со значением ‘сосуд для переноса и хранения жидкости’ — тюркского и иного происхождения (см. табл. 1 и табл. 2) [там же].

Нижеприведенные данные могут быть проанализированы на основании шкалы частотности слов, состоящей из 6 диапазонов — от низкой до высокой: значение $> 10\,000$ свидетельствует о том, что слово употребляется регулярно, а значение < 1 — о том, что слово встречается редко [19].

Таблица 1

Статистические данные НКРЯ о частотности тюркских лексем

Лексема	Частотность лексемы
баклага	0,44
баклажка	0,25
бурдюк	0,79
корчага	0,67
корчажка	0,11
турсук	0,14

**Статистические данные НКРЯ о частотности лексемы баклага
и лексем нетюркского происхождения**

Лексема	Частотность лексемы
баклага	0,44
баклажка	0,25
фляга	2,69
фляжка	2,89
бутыль	4,49

Как видно из табл. 1, частотность лексем *баклага* и *баклажка* близка к частотности их тюркских согипонимов *бурдюк*, *корчага*, *корчажка*, *турсук*: все они употребляются очень редко. Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что лексемы *фляга*, *фляжка* и *бутыль* являются более частотными, но все же малоупотребительными.

Очевидно, лексема *баклага*, наряду с лексемами, обозначающими схожие понятия, не является единицей повседневного общения. Тем не менее ее фиксация в толковых словарях современного русского языка и наличие примеров использования в НКРЯ в XX–XXI вв. позволяют сделать вывод о ее вхождении в активный запас русской лексики.

Далее рассмотрим **диалектные значения** лексемы *баклага*, обратившись к «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова (далее — СРНГ) [20].

Нами обнаружено 5 диалектных значений данной лексемы с различными оттенками: 1. ‘большой глиняный или деревянный сосуд, род кувшина’ (Тамб., Новг. и др.); ‘большая бутыль’ (Влад.) и др.; 2. ‘бочонок; особой формы бочонок, в котором бока не более четверти аршина, а дно в диаметре имеет до трех четвертей’ (Курск., 1854 г.); ‘ведерко, бочонок для дегтя’ (Пск., 1850 г.; Твер., Волог. и др.) и др.; 3. ‘деревянное ведро с крышкой, в которой сделано небольшое отверстие, затыкаемое пробкой, или приделан деревянный рожок, как у чайника. Употребляется для вина’ (Перм.); 4. ‘пустой, герметически закупоренный бочонок, вместимостью в 10 ведер, употребляемый в качестве поплавка в моржовом промысле’ (Арх., 1885 г.); 5. ‘брюква’ (Костром., Даль) [20, т. 2, с. 59].

Итак, в диалектах русского языка лексема *баклага* реализует 5 значений семы ‘сосуд’, по большей части связанных с бытовыми процессами. При этом во всех ареалах ее употребления наблюдается семантический сдвиг в части размерной характеристики: *баклага* как ‘небольшой сосуд’ в литературном языке — *баклага* как ‘большая бутыль’, ‘ведро’, ‘бочонок, кадка’ и др. В архангельских диалектах данная лексема пополнила лексику моржового промысла. Фитонимическое значение ‘брюква’, известное в костромских диалектах, по всей видимости, является следствием контаминации **букла́га* от *букла*, *буква* — ‘то же’ [20, т. 3, с. 265] и *баклага* [13, т. 2, с. 102].

Далее рассмотрим **дериваты** лексемы *баклага* и их семантику в диахронии.

В словарях XI–XIX вв. производные от этой лексемы не отмечены.

В Сл. 1847 находим 2 деривата: *баклажка* — ‘ум. слова *баклага*’; *баклажнй* — ‘принадлежащий къ баклагѣ’ [15, т. 1, с. 18]. В словаре В.И. Даля отмечены следующие

дериваты: **баклажка**; **баклажный** — ‘относящийся к *баклаж*’; **баклажничать** — ‘быть на попойкѣ; ходить по чужим баклагамъ’; **баклажникъ** — ‘дѣлающій баклаги’ и др. [16, т. 1, с. 40].

В ССРЛЯ приведено два деривата: уменьш. **баклажка** и **баклажный** (*баклажное производство*) [17, т. 1, с. 248]. В БАС фиксируется только 1 дериват: **баклажка** — разг. ‘уменьш. к *баклага*; то же, что *баклага*’ [18, т. 1, с. 344].

Итак, дериват **баклажка** известен с первой половины XIX в. (по данным НКРЯ и толковых словарей) и сохранился до настоящего времени, причем в процессе функционирования в языке в качестве диминутива данный дериват расширил свою семантику: стал использоваться как синоним к лексеме *баклага*, а также приобрел другие значения (см. ниже — данные НКРЯ о лексеме *баклажка*). Дериват **баклажный**, также известный с первой половины XIX в., фиксировался в толковых словарях литературного языка до середины XX в. В литературном языке XXI в. эта лексема не отмечается, что может быть связано с низкой употребительностью производящего слова (индекс частотности 0,43 [19]) и редким использованием денотата в быту современными носителями языка. Дериваты **баклажничать** и **баклажник** (XIX в.) не получили отражения в толковых словарях XX–XXI вв.: по нашему мнению, данные дериваты могут быть признаны историзмами, так как обозначают реалии, не функционирующие в жизни современных носителей языка. Так, профессия, связанная с изготовлением баклаг, является неактуальной ввиду выхода из повседневного обихода этого сосуда, а также вследствие расширения профиля специалистов в целом — сегодня данным ремеслом занимаются бондарные мастера — специалисты более широкого профиля. Дериват **баклажничать** — ‘быть на попойке’ — мог выйти из употребления по двум причинам: во-первых, как упоминалось, в настоящее время производящая лексема является крайне редкой, и ее денотат практически вышел из обихода; во-вторых, в языке существует несколько более употребительных синонимов данного деривата (например, *пьянствовать*, *квасить* и др.).

Таким образом, в современном русском литературном языке лексема *баклага* имеет один суффиксальный дериват, сохранившийся по меньшей мере с первой половины XIX в. — существительное с уменьшительно-ласкательным значением **баклажка** (суффикс -к-).

Современные тексты СМИ, включающие дериват **баклажка**, свидетельствуют о расширении его значения, а именно о появлении у него в конце XX в. на основе сближения с лексемой *бутылка* оттенка значения ‘**пластиковый пятилитровый** сосуд для воды’: «Так, воронежцы часто вбивают в поисковик такие местные слова, как «баклажка», то есть большая бутылка...» (Воронежцы чаще остальных ищут в поисковиках слова «курсяк» и «баклажка» // «Время Воронежа», 22.10.2013) [19]. Кроме того, в современном русском языке данная лексема используется в значении ‘**пластиковый сосуд для пива (или другого некрепкого алкоголя) вместимостью 1–2,5 литра**’: «... а Роки не распивал **баклажку** пива в подъезде панельки» (Д. Лёзов. Что Гоша Рубчинский сделал для моды и России (2018.04) // Афиша Daily, 2018) [19]. Эти значения используются преимущественно в устной речи и пока не получили отражения в лексикографических источниках.

Далее рассмотрим дериваты лексемы *баклага* в диалектах.

В «Словаре русских народных говоров» отмечены следующие производные: **ба-клаг** — ‘деревянная плоская посуда для жидкости, с двумя днищами, вмещающая от ¼

до 3 ведер и более' (Курск. 1852 г.); 2. 'деревянный бочонок для воды' (Рост. 1948–1950 г.); **баклажка** — 1. 'уменьш.-ласк. к *баклага* (в знач. 'бочонок')' (Пск., 1850 г., Калуж., Арх. 1885 г. и др.); 2. 'кадка, бочка для соленой рыбы вместимостью от одного до десяти пудов' (Арх. 1928 г.) и др.; 3. 'небольшая глиняная, стеклянная или деревянная посудинка' (Волог. 1898 г.); 4. 'уменьш.-ласк. к *баклага* (в знач. 'брюква')' (Костром., Даль – рассмотрено выше, см. Диалектные значения лексемы *баклага*); 5. 'птица гага' (Арх., Даль); 6. 'старая, потрёпанная шапка' (Киров. 1950 г.); **баклажничать** — 'воровать дёготь из баклаг' (Пск., Твер. 1855 г.); **баклажок** — 1. 'баклажка, флажка' (Вят. 1852 г.); 2. 'деревянный бочонок для воды' (Рост. 1948–1950 г.); **баклашка** — 'чашка' (Перм. 1930 г.); **баклашок** — 'деревянная плоская фляга' (Вят. 1801 г.) и др. [20, т. 2, с. 59–61].

Итак, с морфологической точки зрения лексема *баклага* обнаруживает 4 диалектных деривата двух частей речи — 3 существительных и 1 глагол. Из 3 существительных 2 образованы с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов -к-, -ок- (*баклажка*, *баклашка* (2 варианта одного деривата); *баклажок*, *баклашок* (2 варианта одного деривата)); 1 — усечением или нулевой суффиксацией (*баклаг*). Дериват-глагол *баклажничать* образован с помощью суффикса -нича-.

С точки зрения семантики почти все дериваты лексемы *баклага* (в различных диалектных значениях) мотивированы ее прямым значением и по большей части номинируют предметы со схожим назначением — вместилища для хранения различных предметов. При этом наблюдается расширение семантики дериватов в части размерной характеристики: *баклага* как 'небольшой сосуд' в литературном языке — *баклага* как 'бочонок, кадка' в диалектах. Данное расширение в диалектах характерно и для производящей лексемы. У дериватов лексемы *баклага* также отмечается расширение семантики в части назначения реалии: *баклага* как 'вместилище для воды' в литературном языке — *баклага* как 'вместилище для соленой рыбы' в диалектах. Переносные значения развились у лексем *баклажка* (в значениях 5 и 6) и *баклажничать*. Значение 'птица гага' могло развиваться в результате контаминации: *баклан* — 'птица *Rissa tridactyla*' [20, т. 2, с. 59–61] и *баклага* (ср. *баклага* — 'брюква', см. Диалектные значения лексемы *баклага*) (значение 5). Значение 'старая, потрёпанная шапка' могло появиться метафорическим путем на основе сходства формы шапки с сосудом цилиндрической формы — баклагой (значение 6).

Заключение

Таким образом, с точки зрения семантики лексема *баклага* сохранила свое основное значение практически неизменным с момента первой фиксации в письменных источниках в конце XVII — начале XVIII в. В современном русском литературном языке эта лексема имеет 2 значения: 'старинный узкогорлый деревянный сосуд' и 'походная фляга', при этом первое значение является общеупотребительным, а второе — разговорным. Однако данные толковых словарей и НКРЯ свидетельствуют о постепенном переходе лексемы *баклага* в первом значении в разряд устаревшей — исторической — лексики.

С точки зрения функционирования в современном русском языке данная лексема является редкой, употребляется только в прямом значении и в качестве элемента сравнительных оборотов (нечасто).

С точки зрения деривационного потенциала лексема *баклага* в истории языка выступает производящим для слов различных частей речи (*баклажка*, *баклажный*,

баклажничать), хотя в современном русском литературном языке у данной лексемы отмечается единственный суффиксальный дериват — существительное с уменьшительно-ласкательным значением *баклажка* (суффикс -к-).

Лексема *баклага* приобрела пять **диалектных** значений, близких к основному значению литературного языка. В **диалектах** у данной лексемы также отмечается четыре деривата, образованных суффиксальным способом. Наличие большого количества значений и дериватов этого слова в диалектах в сравнении с литературным языком может свидетельствовать о его большем распространении в диалектах и говорах русского языка.

Лингвистический анализ показывает, что дериваты лексемы *баклага* в литературном языке и диалектах образованы суффиксальным способом. При этом наиболее продуктивным способом словообразования для них является образование существительных, преимущественно с уменьшительно-ласкательным значением (с помощью суффикса -к-).

Итак, лексема *баклага* тюркского происхождения со значением ‘сосуд для жидкости’ ассимилировалась и употребляется носителями современного русского языка, функционирует в сравнительных конструкциях при описании предметов, явлений природы, людей и др., а также приобрела дериваты в литературном языке и диалектах. Вхождение в русский язык и закрепление в нем данной лексемы и ее дериватов способствовало обогащению лексического состава русского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добродомов И.Г. Избранные труды по этимологии и лексикологии. М.: МПГУ, 2015. 459 с.
2. Бурибаева М.А. Тюркизмы в русском языке: от вариантов к норме. М.: Флинта: Наука, 2015. 318 с.
3. Сагитова А.Г. Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода: дис. ... канд. фил. наук. Казань, 1992. 223 с.
4. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Тюркизмы в русской лингвокультуре // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 371–377.
5. Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI–XVII вв.): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 331 с.
6. Юнал К. Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 223 с.
7. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Таглитат, 2000. 172 с.
8. Власичева В.В. Особенности семантики и функционирования тюркизмов в русском и английском языках XX — начала XXI веков: дис. ... канд. фил. наук. Казань, 2012. 333 с.
9. Каримуллина Г.Н. Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков: дис. ... канд. фил. наук. Казань, 2007. 350 с.
10. Коркмазова А.Г. Освоение в русском языке тюркизмов с неясными основами: дис. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2004. 162 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
12. Шанский Н.М., Журавлёв А.Ф. Этимологический словарь русского языка. М.: МГУ, 1963–2014.
13. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Языки славянской культуры, 2007–2021. Вып. 1–15.

14. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984–1991 (СЛРЯ XVIII).
15. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; кн. II (Т. III, IV). 1092 с. (Сл. 1847).
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Эксмо, 2000.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.: АН СССР, 1948–1965 (ССРЛЯ).
18. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004–2021 (БАС).
19. Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.12.2024 г.) (НКРЯ).
20. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2021.

REFERENCES

1. Dobrodomov I.G. *Izbrannye trudy po etimologii i leksikologii* [Selected Works on Etymology and Lexicology]. Moscow, MPGU, 2015, 459 p. (in Russ.)
2. Buribaeva M.A. *Tyurkizmy v russkom yazyke: ot variantov k norme* [Turkisms in the Russian language: from variants to the norm]. Moscow, Flinta, Nauka, 2015, 318 p. (in Russ.)
3. Sagitova A.G. *Tyurkizmy v nazvaniyah predmetov domashnego obihoda* [Turkisms in the names of household items]. PhD Dissertation (Philology). Kazan, 1992, 223 p. (in Russ.)
4. Fatkullina F.G., Suleymanova A.K. *Tyurkizmy v russkoj lingvokul'ture, Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2015, No. 2-1, pp. 371–377. (in Russ.)
5. Efendieva A.D. *Zaimstvovaniya iz vostochnyh yazykov v russkom yazyke pozdnego srednevekov'ya (XVI –XVII vv.)* [Borrowings from Eastern languages in the Russian language of the late Middle Ages (16th–17th centuries)]. PhD Dissertation (Philology). Leningrad, 1975, 331 p. (in Russ.)
6. Yunal K. *Voenno-administrativnaya leksika turecko-tyurkskogo proishozhdeniya v russkom yazyke* [Military and administrative vocabulary of Turkish-Turkic origin in the Russian language]. PhD Dissertation (Philology). Ufa, 2004, 223 p. (in Russ.)
7. Yunaleeva R.A. *Tyurkizmy russkogo yazyka (problemy poliaspektnogo issledovaniya)* [Turkisms of the Russian language (problems of multi-aspect research)]. Kazan, Taglimat, 2000, 172 p. (in Russ.)
8. Власичева В.В. *Osobennosti semantiki i funkcionirovaniya tyurkizmov v russkom i anglijskom yazykah XX — nachala XXI vekov* [Features of the semantics and functioning of Turkisms in Russian and English languages of the 20th — early 21st centuries]. PhD Dissertation (Philology). Kazan, 2012, 333 p. (in Russ.)
9. Karimullina G.N. *Tyurkskie leksicheskie elementy v russkoi lingvografii XVIII–XX vekov* [Turkic Lexical Elements in Russian Linguography of the 18th–20th Centuries]. PhD Dissertation (Philology). Kazan, 2007, 350 p. (in Russ.)
10. Korkmazova A.G. *Osvoenie v russkom yazyke tyurkizmov s neyasnymi osnovami* [Mastering Turkisms with unclear roots in Russian]. PhD Dissertation (Philology). Makhachkala, 2004, 162 p. (in Russ.)

11. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 p.]. Moscow, Progress, 1964–1973. (in Russ.)
12. Shansky N.M., Zhuravlev A.F. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, MGU, 1963–2014. (in Russ.)
13. Anikin A.E. *Russkij etimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2007–2021. (in Russ.)
14. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century], Yu.S. Sorokin (ed.). Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984–1991 (SLRYa XVIII). (in Russ.)
15. *Slovar' cerkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Izd-vo SPb. un-ta, 2001, book I (vols. I, II), 928 p.; book II (vols. III, IV), 1092 p. (Sl. 1847). (in Russ.)
16. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol.]. Moscow, Eksmo, 2000. (in Russ.)
17. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 p.], V.I. Chernysheva (ed.). Moscow, USSR Academy of Sciences, 1948–1965 (SSRLYa). (in Russ.)
18. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian language], K.S. Gorbachevich, A.S. Gerd (eds). Moscow, Nauka; St. Petersburg, Nauka, 2004–2021, pp. 1–27 (BAS). (in Russ.)
19. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language], 2003–2024. Available at: ruscorpora.ru (accessed: 10.12.2024) (NKRYa). (in Russ.)
20. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (eds.). Moscow; Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021. (in Russ.)

Стремянова Ольга Игоревна, аспирант, кафедра общего языкознания им. И.Г. Добродомова, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, ostremyanova@yandex.ru

Olga I. Stremyanova, Post-graduate Student, Department of General Linguistics named after I.G. Dobrodinov, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, ostremyanova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2024. Принята к публикации 26.02.2025

The paper was submitted 30.12.2024. Accepted for publication 26.02.2025